

ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Выпуск XIII

ФОНЕТИКА И ГРАММАТИКА: НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ БУДУЩЕЕ

Издательство Московского университета

2010

**НЕАКЦЕНТУИРОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ
ЮЖНОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА
КАК ВОЗМОЖНЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ АКЦЕНТОЛОГИИ**

Одним из основных источников русской исторической акцентологии являются, как известно, памятники письменности с проставленными знаками ударения. Однако акцентологическую информацию можно извлечь и из неакцентуированных рукописей. Классическое исследование подобного рода осуществил А. А. Зализняк. Установив, что в известной древнерусской рукописи XIV века Мерило Праведное буквы **о** и **ѡ** передают [ɔ] и [δ] [Зализняк 1978, Зализняк 1978а], А. А. Зализняк сформулировал правила, которые позволяют определить акцентуацию словоформы по ее написанию в Мерило [Зализняк 1979: 49–52]. Сходный принцип акцентологической реконструкции продемонстрировал Л. Стенсланд, который проанализировал рукопись Евангелия-тетр, содержащую одновременно сложную систему надстрочных знаков и замену **ѣ** на **е** в безударных слогах при правильном употреблении **ѣ** под ударением. Л. Стенсланд получил определенную информацию о просодической системе из анализа орфограмм с альтернативой **ѣ** — **е**, сопоставил ее с труднотолкуемой системой надстрочных знаков и показал, что наблюдения над употреблением букв **ѣ** и **е** могут стать верификатом к акцентологическому анализу [Стенсланд 1996: 383–399].

Еще одним источником некоторых сведений по исторической акцентологии могут оказаться неакцентуированные памятники южнорусского делового письма XVI–XVII вв., которые дошли до наших дней в большом количестве. Дело в том, что тексты деловых жанров зачастую составлялись людьми не слишком грамотными, не владеющими в должной мере нормой приказного языка, отчего южнорусские рукописи могут обильно отражать аканье (в широком смысле — и после твердых согласных, и после мягких): в них присутствует взаимная мена букв **а** — **о**, с одной стороны, и **е** (**ѣ**) — **и** — **я**, с другой. Замены могут быть, таким образом, прямыми (например, **а** вместо **о**) и гиперкорректными (например, **о** вместо **а**). Ошибочные написания подобного рода обычно изучаются в традиционном аспекте — на их основании ученые восстанавливают тип безударного вокализма; в настоящей же статье они будут рассмотрены под иным углом зрения: как они могут отражать акцентологические особенности говора.

Основным материалом исследования послужили Новосильская отказная книга 1625–1652 гг. (РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 8994), со-

стоящая из 1092 листов, и Курская отказная книга 1630–1654 гг. (РГАДА, фонд 1209, опись 2, № 15684), состоящая из 897 листов, — оба источника прочитаны полностью по рукописям. Дополнительно были привлечены к анализу отрывки из Брянской, Воронежской, Мценской, Орловской, Белгородской и Елецкой отказных книг того же периода, опубликованные в [Южн. отк.]. Графическая система оригиналов при цитировании несколько упрощается: так, синонимичные буквы **я**, **а**, **а** передаются буквой **я**; **о** и **о** — буквой **о**; **у** и **у** — буквой **у**; **з** и **з** — буквой **з**; **і** десятиричное — широким **и**; **ѣ** — буквой **ѣ**. Во многих скорописных текстах буквы **ѣ** и **ѣ** графически не дифференцируются [см. Тарабасова 1982: 220], такое бывает и в описываемых ниже источниках, поэтому для передачи нейтрального знака, употребляемого на месте **ѣ** и **ѣ**, используется прописная буква **Ѣ**. В круглые скобки заключаются буквы, которые были пропущены в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте утрачены — либо в результате порчи бумаги, либо оттого, что находятся слишком близко к корешку переплета и поэтому не видны. При приведении материала из текстов сокращенно указывается название книги (см. список сокращений в конце статьи) и номер листа.

Итак, в исследованных текстах фиксируются многочисленные буквенные замены указанных выше типов. Способы определения места ударения в словоформе, записанной в «акающей» орфографии, бывают нескольких видов.

1) Ударение определяется по одному написанию, где аканье отражается во всех слогах, кроме одного, который, следовательно, и является ударным. Например, *бабы*¹ Нов. 509 об., *мяжа* Нов. 105 об., *аса²на*³ галава Кур. 41 об., *на асина⁴ кола⁵*¹ Вор. 630 об., *на сара⁶ че⁷ве⁸те⁹* Орл. 849 об. (здесь и далее ударный гласный выделяется жирным шрифтом).

2) Ударение определяется по совокупности написаний одной и той же формы. Так, при определении места ударения в творительном падеже единственного числа слова «голова» написание *головаю* Кур. 37 об. включает ударение на третьем слоге, а орфограмма *галавою* Кур. 64 об. — на первом и втором. Значит, ударным является последний — четвертый — слог: *головою*.

3) В некоторых многосложных словах аканье не отражается в двух слогах, но на одном из них ударение маловероятно или невероятно вообще исходя из того, что мы знаем о древнерусской акцентной системе. Например, написание *староя* (Им. пад. ед. ч. ж. р.) Нов. 111 об. указывает на наосновное ударение, так как последний слог окончания *-ая* никогда не был ударным в истории языка и не бывает ударным в современном его состоянии.

¹ *Колокъ* — небольшая роща, перелесок [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 248].

Далее будет показано, какую акцентологическую информацию о южнорусских диалектах первой половины XVII в. можно извлечь из неакцентуированных памятников локальной деловой письменности.

В достаточно большом количестве случаев отражается ударение имен собственных, фамилий и прозвищ, поскольку в сознании писцов они, видимо, не имели закрепленного орфографического облика. Примеры имен: *Бари*^с Нов. 714, 847, *Довы*^о Кур. 171 об., *Масе*^н Ел., 230 об., *Мола*^х Ел. 53 об., *Морти*^н Кур. 246 об., *Ноумь* Кур. 763, *с Ноума*^н Кур. 763 об., *Пата*^н Нов. 695 об., 789, *Повли*^н Кур. 4а, *Порфе*^н Ел. 54, *Проха*^р Нов. 563 об., *Рама*^н Белг. 233, Кур. 465, *с Совелямъ* (Тв. пад.) Кур. 263, *Сида*^р Ел. 149 об., Белг. 569, Кур. 534 об., вдове *То*^тня Нов. 580 об., *Тора*^с Нов. 435 об., 480 об., 1010, Кур. 4а, 205, 578 об., *Трафи*^н Ел. 406 об., Нов. 892, *Трафимъ* Ел. 407, 407 об., Кур. 341, 588 об., *Фама* Нов. 927, *Феда*^р Нов. 580 об., 563 об., 655, 987, 988, 990 об., Кур. 301 и др.

Менее тривиальным путем определяется ударение в имени *Савин* (в словарях [Тупиков 1903] и [Веселовский 1974] оно отсутствует, но имеется в святцах). Ударение тут должно было стоять на втором слоге, так как в притяжательном прилагательном, образованном от этого имени оно падает на [и], что выводится из совокупности следующих написаний: *на то Совинава помѣстья Звегинцава* Кур. 763² (исключается ударение на третьем и четвертом слогах) ~ *в Совинова помѣстья Звегинцава* Кур. 762 об. ~ *за то Савинова помѣстья Звегинцава* Кур. 762 об. (вариативность *а / о* в первом слоге исключает ударение на нем).

Особо отмечу имя *Лавр*, где нежелательная слоговость плавного устранялась в именительном падеже вставкой гласного, который получал ударение, и имя склонялось по акцентной парадигме *b*³: *Лавѣр* (вернее, по-видимому, *Лавѣр*), *Лавра*, *Лавру* и т. д. Это отражено следующими орфограммами: *Лове*^р Нов. 301, 695, 757, 808 ~ *Лаве*^р Нов. 402 об., 931 об., Белг. 339 об.; *Ло*^ра (Р. п.) Нов. 200; *Ло*^ру (Д. п.) Нов. 217, 217 об. Не противоречит такой акцентовке и производное прилагательное *лавровский* с ударением на втором слоге: *почина*^х *Ло*^ро^рска^х *Во*^трикова Нов. 702. Ср. также современную фамилию *Лавров*.

Стоит указать на прозвище *Должѣнок* с ударением на компоненте -ѣн-: *Да*^хжена^х Кур. 263 об. Ср. также: *До*^хжена^х Кур. 264 об., *Да*^хжен^хно^х Кур. 263 об. Производное с суффиксом -ов- тоже свидетельствует об ударении на -ѣн-: *Далже*^хкава (Р. п.) Кур. 259 (о том, что ударным был именно [о], а не [е], говорит написание *До*^хжо^хкова (Р. п.) Кур. 298 об.).

² То, что перед нами притяжательное прилагательное, образованное от имени, а не от фамилии, несомненно. Ср. аналогичную конструкцию: *в Дунаево помѣя* *Анне*^хкова Кур. 69 и *двор мужа ея Дуная Анне*^хкова Кур. 69 об.

³ Далее акцентные парадигмы *a*, *b* и *c* будут обозначаться соответственно как а. п. а, а. п. *b* и а. п. *c*.

Фамилии на -ов, образованные от личных имен, как правило, демонстрируют ударение на производящей основе. Ср., например, тривиальные случаи типа *Ка^пна^а* Кур. 762, *Зуяв^ь* Кур. 344 об., *Гу^ряв^ь* Кур. 240 об. и менее обычные с современной точки зрения *Ескав^ь* Ел. 54 и *Тута^а* Ел. 145 об.

Удается определить ударение некоторых малоизвестных топонимов: *озеро Колчава* Кур. 341, *починок^ь Сарава* Нов. 635.

«Акающие» орфограммы показывают принадлежность многих слов к определенным акцентным парадигмам. Так, постоянное ударение на корне демонстрирует и в древности относившееся к а. п. а слово *колодязь* ('источник, ключ, родник' [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 245]). Об этом свидетельствует совокупность следующих написаний: Им. пад. *калоди^з* Нов. 670 об., 694 об. ~ *калоде^з* Кур. 76; Род. пад. *проме^ж калодезе* Нов. 65, *за^о калодезе Гли^искаго* Нов. 65 об. ~ *с ве^х Слепотина колодиза* Нов. 559 ~ *Слепотина калодиза* Нов. 674 об.; Дат. пад. *на Слепотину калодизю* Нов. 670 об.; Мест. пад. *на кало^{де}зи* Кур. 602.

В первой половине XVII века в южнорусских говорах еще не изменило своего акцентного поведения слово *четыре*: оно продолжало относиться к а. п. а: Им.-Вин. пад. *четыря* Кур. 326 ~ *чатыре* Нов. 663 ~ *чатыря* Брян. 26 об., Орл. 929, *два^тцать чатыря* Кур. 290 об., *два^тцот чатыря* Кур. 403 об., *на чатыря* Кур. 199, *на два^тцат^н на чатыря* Нов. 862 об.; Дат. пад. *чатыря^н ч(е)л(о)в(б)ко^н* Кур. 175 ~ *чатырем^ь ч(е)л(о)в(б)ком^ь* Кур. 175 ~ *к чатыря^н че^тве^тя^н* Нов. 346, 569; Мест. пад. *в чатыря^х жсеребья^х* Нов. 79.

Примерно с начала XVII века в русском языке изменилась акцентовка во множественном числе существительного *мѣсто*: (*мѣста* → *мѣста́*), что связано с тенденцией к противопоставлению субпарадигм единственного и множественного числа [Зализняк 1985: 373]. Однако, видимо, это произошло не во всех говорах одновременно: в южнорусских диалектах первой половины XVII в. слово *мѣсто* еще склонялось по а. п. а, не меняя акцентовки во множественном числе: Им. пад. ед. ч. *мesta дваровая... пуста* Нов. 921 — Тв. пад. мн. ч. *з дворовоми мѣстоми* Нов. 483.

Отмечены производные образования от слов а. п. а, которые все еще принадлежали к той же парадигме. Например, множественное число *внучата* имело ударение на корне (т. е. суффикс -ат- еще не стал доминантным): *племя^нника^а* и *внуче^н* Нов. 379 об. В русских диалектах есть слово *липяг* (Р. п. *липягá*), имеющее значение 'возвышенность, покрытая липовым лесом' и обладающее флексийным ударением [СРНГ, вып. 17: 60]. В XVII же веке, судя по данным исследованных текстов, это слово, будучи производным от существительного *липа*, принадлежавшего к а. п. а, сохраняло в южнорусских говорах наосновное ударение. Об этом свидетельствует написание *под липигам^ь* Нов. 491 об. (о том, что *и* во втором слогe не является опiskой под влиянием предшествующего *и*,

а отражает произношение гласного в безударном слоге, говорит три раза встретившаяся орфограмма *по^о... липиго^а* Нов. 491, 491 / 492, 492). Есть, конечно, и тривиальные случаи — слова, до сих пор имеющие закономерное с точки зрения истории языка ударение на корне, обладавшем древней самоударностью, например: *кус^а ивава^а* Нов. 1017 об., на *ивава^а кусть* Ел. 173 об.; *лесок ябланава^а* Кур. 76.

Целый ряд слов демонстрирует сохранение а. п. *b* (впрочем, некоторые из них отмечены только в единственном числе). Из стандартных случаев приведу только несколько: *вдава* Белг. 816, Орл. 310; *вдавы* (Р. п. ед. ч.) Белг. 816, Кур. 366 об., 367; *двары* Ел. 371 об., Нов. 313, 509 об., 543, 594 об., 582 об., Кур. 170 об., 302 об.; *два двара* Нов. 382 об., *дваро^о* Кур. 79 об., Нов. 379 об.; *три двара* Кур. 50; *жаны* (Р. п. ед. ч.) Брян. 861, Орл. 674 об., Кур. 255, 257, 288, 390, 408, 702, у *жаны* Кур. 257а об., 270 об. *жанѣ* (Д. п. ед. ч.) Брян. 861, 865 об.; *дыека* (В. п. ед. ч.) Орл. 309 об., 339, 375, 437 об. и др., Мц. 171, Кур. 82, Нов. 77, 181, 902, *диока* Ел. 24, 95, 98, Нов. 34, Кур. 9, 110, 124 об.; *сяла* (Р. п. ед. ч.) Вор. 33 (2 р.). Кроме того, можно отметить слова с минусовым корнем и правоударным суффиксом: *содохъ яблонова^а* Мц. 359 об., на *Сажно^а Дане^а* Белг. 177, за *Липово^а Дане^а* Белг. 510 об., 468, *Сиве^оского Да^аца* Белг. 270, за *Са^жны^а Данцо^а* Белг. 178 об., на *Са^жно^а Данцы* Белг. 178 об., 179.

Есть и менее тривиальные слова. Так, краткое прилагательное *порожжо*, имевшее правоударный корень, нормально выступает с ударением на окончании в среднем роде: *помѣстья... лежи^а пара^ожжо* Орл. 849. Существительное *сторожевьє* (в [СРНГ] оно отсутствует) показывает, что его суффикс **-ъj-* вел себя как правоударный, так что при минусовых корне и суффиксе *-ев-* ударение падало на окончание: *к стараже^ю* Белг. 232 об., *х Карпову стараже^ю* Белг. 233 (исключается ударение на корне) ~ *до старова стаража^а* Белг. 253 (исключается ударение на суффиксе *-ев-*). Имело флексивное ударение существительное *хрячок*: *прода^а два хре^ака малы^а* Нов. 86, *прода^а... малова хре^ака* Нов. 86. Это закономерно, так как современная парадигма производящего слова (*хряк, хряка́, хряку́...*) свидетельствует о том, что в древности оно относилось к а. п. *b* (в списках слов, изменивших акцентовку на протяжении пути от древнерусского состояния к современному, его нет [см. Зализняк 1985: 376–377; Зализняк 2002: 480–481]), а суффикс *-ък- / -ьк-* со временем (не раньше чем в позднерусскую эпоху) развил эффект минусаизации, то есть стал превращать правоударный корень в минусовой [Зализняк 1985: 149]. Аналогично устроено имеющее тот же суффикс существительное *гаѣк* 'небольшой участок ровного, однородного леса, стоящего особняком от основного лесного массива или в окружении деревьев других пород' [СРНГ, вып. 6: 93]: *бѣрезова^а гоє^к* Нов. 979, на *гоє^к* Нов. 979, *от того га^ака* Нов. 973, *в гоики стои^а* Нов. 979. В праславянском языке корень **gaj-* был правоударным. Об этом свидетельствует сербская акцентовка *gāj*, род. пад. *gāja*, словенская акцентовка *gāj* и дол-

гота гласного в чешском и словацком *háj*. Подобное соотношение современных рефлексов указывает на а. п. *b* [см. Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 13]. Сейчас в русском языке у слова *гай* другая акцентная кри-вая, а именно наосновное ударение в единственном числе, так как оно входит в семантическую группу «название пространств, поверхностей, направлений» [Зализняк 2002: 514].

Возвращаясь к эффекту минусизации, следует сказать, что такое свойство имел не только суффикс *-ьк- / -ьк-*, но и другие правоударные суффиксы. Однако есть один из них, который эффекта минусизации в исследованных текстах не демонстрирует. Это суффикс притяжательных прилагательных *-ин-*. В форме с нулевым окончанием — *вдави*“... *жеребе*” Бр. 1143 — отсутствие данного эффекта не заметно, так как ударение на суффиксе было бы и с минусизацией, и без нее. А в форме среднего рода с окончанием *-о* указанная особенность проявляется в том, что ударение продолжает падать на суффикс, а не сбрасывается на окончание, как было бы, если бы эффект минусизации работал: *во вдавина... помѣсть* Орл. 438, *во давина... помѣстья* Орл. 310, *помѣстья удавина* (В. п.) Орл. 439, *во вдавина... помѣстья* Кур. 62 об., в *Ку^екои ста*“ *вдавина помѣстья ... ѳзди*” Кур. 302⁴.

Из интересных случаев можно привести существительное *пашня*, которое имело в именительном падеже единственного числа, флексийное ударение: *па^шня* Кур. 239, 548 об. ~ *пошня* Кур. 97, 111, 131 об., 155, 168 и т. д. (часто), Нов. 182 об., 305, 356, 474 об. В винительном падеже зафиксирована форма только с предлогом: *на пошню* Нов. 903, предположительно также свидетельствующая о флексийном удареии (хотя и ненадежно ввиду того, что приведенное написание оставляет возможность того, что ударение падало на предлог). Если корень был правоударным (ср. глагол *пахать*, относившийся к а. п. *b* [Зализняк 1985: 137]), какая бы ни была акцентовка суффикса (для суффикса *-ьн-* восстанавливается и самоударность, и минусовая характеристика [см. Зализняк 1985: 152]), изначально ударение должно было падать на корень во всех формах, кроме родительного падежа множественного числа. В большинстве русских говоров действительно произносится *пáшня*, но бывает и *пашня́*, причем именно в южнорусских диалектах (калужском, курском, орловском, тульском), правда, в значении ‘необмолоченные снопы хлеба’. В значении же ‘вспашка, пахота’, в котором это слово употребляется в исследованных рукописях, «Словарь русских народных говоров» не дает отсылок к указанным южнорусским диалектам [СРНГ, вып. 25: 307–308].

Слово *гора*, которое, согласно данным А. А. Зализняка, относилось к а. п. *c*, но имело отклонения в сторону а. п. *b* и а. п. *a* [Зализняк 1985: 136, 137], в южнорусских памятниках первой половины XVII в. ведет себя следующим образом: в винительном падеже единственного числа

⁴ *Вдавина помѣстья* = в вдовино помѣстье.

оно имеет ударение на окончании, что является признаком а. п. *b*. Этот вывод делается на основании следующих написаний: на *гару* Кур. 539, 539 об. (2 р.), Нов. 67 об., 544 об., 558 об. (исключается ударение на корне) ~ на *гору* Кур. 333, Нов. 726 об. (исключается ударение на предлоге). В местном падеже слово *гора*, как это присуще южнорусским системам [Зализняк 1985: 252], сохраняет флексийное ударение: но *гарѣ* Нов. 818 об. (ср. менее показательное написание на *гарѣ* Нов. 531).

Существительное *плота*, обозначавшее 'раздвоение, разветвление ствола дерева' [СлРЯ XI–XVII, вып. 15: 101]⁵, видимо, изначально относилось к а. п. *b*. Об этом можно судить по производному прилагательному *платавыи*. В полной форме оно в XVII в. имело ударение на суффиксе *-ав-* ('*верхъ платавага липега* Нов. 601, *по во^рху платавою*⁶ Нов. 487). И сейчас в диалектах ударение падает туда же [СРНГ, вып. 27: 148], что возможно, только если корень был правоударным (если бы корень был минусовым, то при минусовом суффиксе *-ав-* в полной форме прилагательного ударение попало бы на окончание). В краткой форме ударным был, видимо, также суффикс *-ав-*: *к дубу платаву* Нов. 272 об. (вряд ли можно думать, что ударным было окончание). В первой половине XVII в., таким образом, слово *плота* сохраняло формы а. п. *b*, о чем можно судить по форме винительного падежа единственного числа: *по левою плоту* Кур. 539 об. ~ *по левою плату* Кур. 539 об. Ср. также М. п. на *пе^рво^у плате* Орл. 460 об. ~ на *пе^рво^у плоте* Орл. 459 об., 678.

Рукописи демонстрируют достаточно много имен а. п. *c* с присущими им исконными ударениями в парадигмах. Например: *галава* Кур. 36, 41 об., 62, 63, Нов. 420; *драва* Белг. 800, на *драва* Нов. 543 об.; на *а^оно^у дубя* Нов. 766, на *бо^уше^у дубя* Белг. 25; з *ятя^умь* Кур. 185 об., Нов. 130, 1040; *капѣ^у* (Р. мн.) Кур. 258, 266 об., 580, *капѣ^у* Нов. 489; *под че^унымъ лѣсамъ* Кур., 216 об.; *муже* (Р. ед.) Кур. 375 об., с *муже* Нов. 207 об.; *остра^у* Нов. 65, 970 об., Нов., 357 об.; *обо береги* Кур. 271, 659; *в пуста^у* Нов. 65; с *сына^у* Нов. 989; *сора^укь* Кур. 10 об., Орл., 39 об., Брян. 674 об., Кур. 233, 521; *сора^укь* Нов. 50, 185 об., 186, 186 об., 283, Кур. 514, 765 об.

Не является редкостью отражение «оттяжки» ударения на предлог: на *сара^укь* Нов. 313, 726 об., Орл., 849 об., Ел., 144, 264 об., 265 об.; *во ста* Белг. 799, Кур. 22, 66, 216, 236, 252, 253, 263, 274, 299 об., 344, 548, 735 об., 769, Нов. 200, 350 об., 450 об., 608, Вор. 630 об., Орл. 40 (2 р.); на *ста*

⁵ В [СРНГ] сейчас такого значения не отмечено, только одно из значений слова *плотá* приближается к фиксируемому для XVII в.: 'опорная часть сохи — выгнутый деревянный брус с раздвоенным концом (выделение мое. — Е. Г.), на котором насажены сошники' [СРНГ, вып. 27: 148 с отсылкой к с. 150].

⁶ Широко распространенное в южнорусских говорах окончание винительного падежа единственного числа женского рода *-ою* (фонетически *-[a]ju* или *-[ɣ]ju*) у прилагательных бывает только в безударной позиции [ДАРЯ II, карта 43]. В картотеке ДАРЯ отмечено всего четыре (!) случая для всей южнорусской территории с [o] ударным [ДАРЯ II. Комментарии: 67].

Нов. 726 об., 181 об. (2 р.), 182, 501, 576, 810 об., 823; *на дво^мце^м* Кур. 591 (ср. также совокупность написаний *на дво^мца^м* Кур. 71, Белг. 336 ~ *на дво^мцо^м* Кур. 322 об. ~ *на дво^мце^м* Кур. 591 об.); *на ня^н* дубово^н Нов. 862 об.; *за Да^н* Ел. 49, 172; *на па^н ве^рсты* Кур. 71, *на ра^н* Нов. 792 об. (ср. *на Селе^нне^ско^м* рагу Нов. 733), *по Гре^с* (топоним) Нов. 967 об.⁷, *по абе стороны* Вор. 631 (исключается ударение на корне числительного) ~ *по обя стороны* Вор. 576, 630, Белг. 123, 124, 199, Ел. 256 (исключается ударение на окончании). Ср. также *побе стороны* Нов. 558 об., Ел. 217, Орл. 326.

В XVI–XVII вв. «оттяжки» ударения на предлог осуществлялись в большинстве акцентных микросистем с высокой степенью регулярности, и для непроемких существительных а. п. с ударение на предлоге при словоформе-энклиоме было нормой [Зализняк 1985: 283]. Новое ударение типа *без му^жа* в этот период встречается, по свидетельству А. А. Зализняка, преимущественно в западной зоне и на дальнем северо-востоке, тогда как в основной части восточной зоны его почти нет [Зализняк 1985: 284]. Поэтому ценно то, что два раза — в воронежских и новосильских текстах — отражено новое ударение на корне в сочетании с предлогом *на*: *но поли* Вор. 548 об., *но шесть* Нов. 181 об. Поскольку перед нами не акцентированная рукопись, а текст, где ударение отражается спорадически и вопреки воле писцов, трудно судить о возможной широте распространения данного явления.

В рукописях проявляется старое ударение творительного падежа ед. числа существительных а. п. с, что видно на примере слова *голова*: *с оса^ню головою* Кур. 37, *с асаднаю галавою* Кур. 64 об. Возможно, ударное окончание *-ю* повлияло на другие слова женского рода, относящиеся, впрочем, к *i*-склонению, где флексия *-ју* была минусовой (но со следами самоударности) [Зализняк 1985: 141]. Так, мы находим рано перешедшее в *i*-склонение слово *дочь* (а. п. с), в форме творительного падежа без форманта *-ер-* с явным ударением на окончании: *з дачью* Брян. 53 об. Возможно, что такое же ударение было у формы того же слова с формантом *-ер-*: *з дачерью* Ел. 207 об. (2 р.), 206, 207 (вряд ли ударным мог быть второй слог). Следует заметить, что повлиять на *i*-склонение могли еще и слова того же грамматического разряда и той же а. п. *пять, шесть, девять*, имевшие в косвенных падежах ударение на окончании (*пятью* и т. д.) [Зализняк 1985: 142]. Еще одно слово — *печать* (исконно оно принадлежало к а. п. а) — также, как можно думать, демонстрирует флексийное ударение в творительном падеже: *пече^мю* Орл. 311, 805 ~ *за пича^мю* Орл. 999 об. Впрочем, этот пример не слишком надежен, так как нельзя полностью исключить возможность

⁷ Впрочем, есть небольшая вероятность того, что тут отражен переход [а] в [е] между мягкими согласными в ударном слоге. В южнорусских говорах кое-где единично встречаются отдельные случаи такого перехода [ДАРЯ I, карта 43].

отражения в первом написании изменения [a] в [e], которое изредка встречается в южнорусских говорах (см. сноску 7). Продолжая говорить о словах *i*-склонения, следует упомянуть слово **память**, которое благодаря плюсовой приставке обладало в древнерусском языке автономным ударением на первом слоге. Тексты XVII в. показывают, что в южнорусских говорах этого периода имела инновация — ударение на окончании. Собственно говоря, отмечены показательные написания только для формы дательного падежа: *по наказна^а помети* Ел. 49. Ср. также: *по нака^ана^а памити* Кур. 259, *по нака^ана^а памети* Кур. 335, *по нока^ано^а памети* Кур. 234. Однако в других текстах XVII в., созданных на других территориях, фиксируются формы местного падежа *в паметі* (Житие протопопа Аввакума) и творительного *памятмі* (Соборное уложение царя Алексея Михайловича), так что сдвиг ударения на окончание не был сугубо южнорусским явлением⁸.

В исследованных текстах наблюдаются и некоторые другие сдвиги ударения по сравнению с древнерусским состоянием.

Так, существительное **старикъ**, производное от слова а. п. а, акцентировано по-новому: *сторикъ* Нов. 131.

Слово **колокъ** (см. сноску 1) в именительном падеже единственного числа имеет ударение на первом слоге: *на гору Осина^а колакъ* Ел. 53 об., *на асина^а кола^а* Вор. 630 об., *на асина^а колакъ* Вор. 631 об.⁹, что закономерно, поскольку при минусовом корне и правоударном суффиксе -ѣк- исконно ударным мог быть только суффикс.

Существительное **сторона**, по-видимому, демонстрирует переход к флексийному ударению в а. п. с в винительном падеже: *на лѣваю старону* Нов. 272 об. (поскольку ударение явно не могло падать на второй слог, очень вероятно, что ударным было окончание). По свидетельству А. А. Зализняка, в старовеликорусском языке примеры инноваций в винительном падеже у слов женского рода еще сравнительно редки [Зализняк 1985: 374], поэтому приведенный случай представляет определенный интерес. Более обычно для XVII в. появление формы дательного падежа с флексийным ударением, так как замены типа *сторонѣ* → *сторонѣ* произошли рано [Зализняк 1985: 374]: *на лѣва^а старонѣ* Нов. 272 об. В исследованном материале встречена и форма дательного падежа, имеющая диалектный и инновационный характер: *по лѣва^а староны*.

Во множественном числе у существительных а. п. с *i*-склонения женского рода в результате приобретения новых окончаний (-ям, -ях, -ями) была достигнута колонность ударения (например, *записямъ, крѣпостямъ*,

⁸ Есть и пример закономерного поведения слов с приставкой *па-*: *с паса^ака^а* Нов. 703 об. и, возможно, *пасына^а* Нов. 563 об. Ср. другую самоударную приставку — *вы-*: *выша^а* Нов. 984.

⁹ В современных говорах представлены формы *кóлок*, -лка и реже *колóк*, -лká [СРНГ, вып. 14: 162–163].

на *грязяхъ*) [Зализняк 1985: 286]. Подобные примеры есть и в исследованных текстах: к *пѣвыи* *гронямъ* Белг. 26, по *старыи* *гроня* Нов. 536 об., по *старымъ* *гроня* 993, в *гроня* Мц. 284. Впрочем, имеется и написание по *старыи* *грене* Нов. 766, видимо отражающее флексийное ударение формы с новым окончанием, но записанным традиционно — с -ем, что нормально для деловой письменности. Есть и формы родительного падежа множественного числа с ударением на окончании — *о^м тѣхъ* *грене* Кур. 635, до *грене* Кур. 635, до *пицовыхъ* *грене* Кур. 722, *о^м... грене* (sic) ...да *грене* Ел. 147 об., да *те^{хъ} же грене* Ел. 147 об., *о^м тѣхъ* *грене* Белг. 27 (ср. до *гране* Кур. 663 об.). Но такое ударение было исконным в связи с плюсовостью окончания *-ъjъ.

Уже в старовеликорусский период начинает складываться принцип, усвоенный впоследствии русским литературным языком, согласно которому качественные прилагательные получают наосновное ударение [Зализняк 1985: 310]. Таким путем прилагательные а. п. с меняют флексийное ударение на наосновное. У ряда прилагательных (*лѣвыи*, *новыи*, *свѣтлыи*, *скорыи* и нек. др.) эта замена уже в основном завершилась к XVI в., а в XVI–XVII вв. от старого ударения у них сохраняются лишь незначительные следы [Зализняк 1985: 310]. Из этой группы слов в исследованных текстах отмечено прилагательное *лѣвыи*: на *лѣва* *старонѣ* Нов. 272 об., по *лѣва* *староны* Нов. 270 об. Из других качественных прилагательных данный процесс отразили слова *грязныи* и *густыи*: по *обѣ* *стороны* *гряна* *дароги* Мц. 357, *бана* *густа* *дубровы* Ел. 256 (то есть *обапол* — ‘по обе стороны, около, вокруг’ [СРНГ, вып. 21: 345]). При этом второе прилагательное в русском литературном языке указанному правилу не подчинилось, и, как видим, в одном из южнорусских диалектов процесс прошел более последовательно. Впрочем, тут трудно делать какие бы то ни было обобщения, поскольку, по свидетельству А. А. Зализняка, в XVI–XVII вв. на великорусской территории наблюдаются чрезвычайно широкие колебания в акцентуации полных форм прилагательных: могут быть различия в ударении одного и того же прилагательного в разных говорах и многочисленные колебания внутри одного и того же говора [Зализняк 2002а: 541].

Интересным образом ведет себя существительное *Дон*, принадлежавшее исконно к а. п. с. При том, что в предложно-падежных конструкциях с винительным падежом этого слова происходила оттяжка ударения на предлог (см. выше), в дательном падеже зафиксировано флексийное ударение: к *рекѣ* к *Дану* Вор. 87 об. В современном русском литературном языке данное слово продолжает закономерно сохранять наосновное ударение, относясь к семантической группе «название пространств, поверхностей, направлений», представители которой в единственном числе имеют ударение на основе [Зализняк 2002: 513–514].

В рукописях не раз встречается слово *сажень*, которое относилось в описываемых говорах к мужскому роду: *з(осу)д(а)р(е)въ сожень мнѣ* не

данъ Орл. 1165 (эта орфограмма отражает и место ударения в именительном падеже единственного числа), *по два сажня* Кур. 734, *и³ба жилия получе^тве^та сажня* Кур. 734. В современных говорах варьируется и род этого слова, и ударение в единственном числе [СРНГ, вып. 36: 41]. В текстах же наблюдается регулярная вариативность акцентовки родительного падежа множественного числа, и материал здесь распадается на две части: одни написания демонстрируют ударение на первом слоге, а другие на втором. Приведу примеры только из Новосильской отказной книги, чтобы показать, что с междialeктными различиями это явление не связано. Первый слог под ударением: *по осмидеся^т сажн^а* Нов. 505 об., 604, *по три^иц[а]ти сажн^а* Нов. 505 об., *на асмидеся^т сажн^а* Нов. 671 об., 737 об., *на три^иц^ати сажн^а* Нов. 724, *по три^иц^ати сажн^а* Нов. 1068 об. и т. д. Второй слог под ударением: *по осмидеся^т соже^т* Нов. 401 об., 698 об., 1072 об., *по три^иц^ати соже^т* Нов. 499, 698 об., 1072 об., *по осмидеся^т сожо^т* Нов. 647, 722 и т. д.

Исследованные рукописи дают целый ряд примеров акцентовки имен с минусовой приставкой. В древнерусском языке слова такой структуры подвергались перемаркировке, в результате чего возникали четыре модели — одна основная и три второстепенных. Основная — это модель *потопь* (корень выступает с маркировкой самоударности, хотя его исходная маркировка могла быть иной). Второстепенные — модель *отрокъ* (корень выступает с правоударной маркировкой, хотя его исходная маркировка могла быть другой); модель *окупъ* (корень выступает с минусовой маркировкой, хотя его исходная маркировка также могла быть иной); модель *засуха* (приставка меняет свою минусовую маркировку на самоударность, после чего маркировка корня становится безразличной) [Зализняк 1985: 153–154].

Примеры имен, построенных по модели *потопь*: *асадное галава* Нов. 717 об., *аса^онаи галава* Кур. 41 об., 62, 63, Вор. 22, *по показнаи памяти* Нов. 223, *памѣстья* (И. п. ед. ч.) Кур. 629, *в то памѣстья* Кур. 302 об., *в здатачная памѣстья* Кур. 62 об., *в то^и здатачна^и памѣ^ю* Кур. 62 об., *памѣсное земля* Нов. 680, *пачина^т* Нов. 736 об., Ел. 49 об., *пражита^т* Вор. 619 об.

В сложных словах с бессуфиксным вторым членом в древнерусском языке господствовала модель, соответствовавшая модели *потопь* у приставочных имен: последний корень менял свою маркировку на самоударность [Зализняк 1985: 156]. Примеры находим и в исследованных текстах: *Тресаг^у* (прозвище) Нов. 1088, *Корна^х* (прозвище) Кур. 214 об., *Че^рнамо^ть* (прозвище) Кур. 536 об. (ср. *Че^рномордъ* Кур. 583). Имеется и производное от топонима *Новосиль*: *в Наваси^иска^и уѣ³дъ* Нов. 48. Однако в качестве второстепенной в древнерусском языке была возможна также архаичная модель без перемаркировок [Зализняк 1985: 156]. Судя по всему, она отражается в XVII в. в акцентовке фамилии *Дериглазовъ*, производной от прозвища *Дериглазь*: *Григоре^т Дериглоза^т* Кур. 138

(ср. з *Григорьямъ Дериглазавы*^м Кур. 139) Корни *дер-* и *глаз-* были минусовыми, показатель императива — самоударным, так что при отсутствии перемаркировки ударение закономерно падало на [и] (впрочем, приведенное написание небезупречно для определения акцентовки из-за *е* в первом слоге, но с точки зрения истории русской акцентной системы ударение на [е] вряд ли было возможно).

Примеры других моделей в изученных текстах более редки. Возможно, по модели *отрокъ* было построено слово *окладъ*: оно часто встречается в винительном падеже единственного числа с ударением на втором слоге — *акла*^о Белг., 469, Кур. 41 об., 66, 77, 246, 258, 271, 347, Нов. 250 об., 747, 974 об., — а во множественном числе имеет флексийное ударение: *в и^с аклады* Нов. 202 об. ~ *в и^с оклоды*. По данной модели могло быть организовано слово *оброкъ*: *абраку плати^м имъ... ня^м гривена^к* Бр. 259 об. Впрочем, в другой микросистеме оно могло принадлежать к иной модели, о чем свидетельствует пример: *на обрак не о^тдано* Нов. 671 об., указывающий на модель *окупъ* (если ударение на предлоге) либо *засуха*.

Отмечены и такие формы, по которым нельзя определить, к какой модели — *потопъ* или *отрокъ* — принадлежали соответствующие слова: *зото^н* Вор. 545 об., *прагонъ* Белг. 469.

К частотной для *i*-основ модели *окупъ*, видимо, относилось слово *прокопъ*: *прока^н* Нов. 702. (ср. контекст: *и на ле^ную прока^н что о^н Миля^н да племе^нникъ ево Голо^хтио^н прикона^н в своем те^ртежи* (с опиской, вместо *че^ртежи*), хотя это может быть и более редкая для слов этого класса модель *засуха*. Если учесть, что модели *отрокъ* для *i*-основ почти не было [Зализняк 1985: 155], то к модели *окупъ* относилось слово *россоши* ('овраг, балка, буерак' [СРНГ, вып. 35: 192]): *с ра^ссаими* Вор. 342 об.

В случае, если во всех исследованных южнорусских текстах отражается одинаковая акцентовка слова *западъ*, то оно также относилось к модели *окупъ*: *на зона^о* Мц. 327 ~ *на запо^о* Ел. 99 об., Нов. 466 об. Если же принять во внимание, что в акцентовке этого существительного модель *окупъ* конкурирует с моделью *засуха* [Зализняк 1985: 154], и допустить, что в мценском говоре была одна акцентовка, а в елецком и новосильском другая, то для мценского говора все равно восстанавливается модель *окупъ*, а для елецкого и новосильского — модель *засуха*.

К модели *окупъ* либо *засуха* относилось существительное *ухожайи*, отмеченное в словаре В. И. Даля с ударением *ухожай* и значением 'место для бортей, ульев, пчельник, пасека' [Даль, т. IV: 541]. Судя по данным текстов, в XVII в. в южнорусских говорах ударным был первый слог. Об этом говорит совокупность следующих написаний: *бо^ртно^н* ухोजе^н Бр. 107, *бортна^н* ухोजеи Бр. 259 об., *то^м* ухोजе^н Бр. 258 об. ~ *з бо^ртны^н* уха^жямъ, *з бо^ртны^н* уха^жеямъ Бр. 21.

К модели *засуха* принадлежало слово *надолба*, использовавшееся в основном во множественном числе и имевшее среди прочих значения

‘бревно или брус, употребляемый как заграждение’, ‘род изгороди’ [СлРЯ, вып. 10: 74]. Его родительный падеж множественного числа с начальным ударением *во́ле на́дла*^б Белг. 702 об. свидетельствует о постоянном ударе на приставке.

Некоторые наблюдения можно сделать над акцентуацией числительных.

Во-первых, обращает на себя внимание то, что одним фонетическим словом были названия сотен: *в двѣста че́ти* Кур. 209 об., 246, 578, 582 к *трьста́* к *пятидеся́м* к *осми че́мъ* Мц. 49, а составное числовое наименование еще могло объединяться в одну тактовую группу: *сара́ ня́* Бр. 256 с ударением на втором компоненте. Во-вторых, следует отметить акцентовку числительных, обозначавших числа второго десятка. У них склонялись обе части, вторая из которых уже выглядела как *-надцать*, и ударение в Р.-Д.-М. падежах при этом еще не падало на слог [на], как в современном состоянии языка у слов *двенадцать*, *тринадцать*, *пятнадцать* — *девятнадцать*. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные написания с сочетанием *-но-*: к *двуно́ца́мъ че́вѣтя́* Белг. 512 об., к *пятино́ца́мъ че́мъ* Ел. 114 / 114 об., *по семино́цо́мъ че́мъ* Кур. 71, к *семино́цати че́вѣтя́* Нов. 450, *семино́цати че́мъ* Мц. 269 об., *ко сту к девятино́цати че́вѣртя́* Бр. 577 об.¹⁰. В третьих, слово *двадцать* имело ударение на слоге [ти] по крайней мере в дательном падеже: *дво́цети че́мъ* Кур. 592 (ср. также к *дво́ца́мъ че́мъ* Кур. 563). И, наконец, в-четвертых, видно, что в предложно-падежном сочетании *на девяносто* ударение падало на слог [но]: *на ста на дявеноста́ на восьмъ че́ти* Нов. 181 об. ~ *но девеноста́ на восьмъ че́ти* Нов. 182.

В рукописях хорошо отражается конечное ударение некоторых наречий / предлогов: *вазлѣ ево* Нов. 406, *вазлѣ Микиты* Кур. 265 об. / 266, *ва́лѣ Ба́шога ве́ха* Кур. 266 об., *вазлѣ и́рога* Кур. 62 об.; *падлѣ ве́ха* Кур. 265 об.; *проти́ да́* Кур. 70 об., 71–71 об., *проти́ усады* Кур. 303, *проти́ таго сто́ба* Нов. 74 об., *проти́ тѣ́ дубовы́ корене́* Нов. 467, *проти́ стара́*... усады Мц. 358 об., 359, *да проти́ той же земли* Вор. 615, *проти́ пру́ка* (т. е. прудка) Вор. 630; *апри́ озера* Кур. 511, 512, *апри́ч доче́е* ее Нов. 510 (в современных говорах *опри́ч* и *бпри́ч* [СРНГ, вып. 23: 297]).

И, наконец, интересно отметить аналогическое выравнивание в парах *налѣво* — *направо*, *налѣвъ* — *направѣ*. Исходно слова *налѣво*, *налѣвъ* в древнерусском языке были энклиноменами, так что после объединения двух типов просодического выделения в один, у них оказался ударным первый слог. Наречия же *направо*, *направѣ* имели изначально автономное ударение на корне. В современном русском языке ударение

¹⁰ Слово *одиннадцать*, которое и сейчас имеет постоянное ударение на корне, также записывается с сочетанием *-но-*: *ади́но́цать че́ти* Кур. 290, *ади́но́ца́мъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ* Кур. 510 об.

у *налево* выровнено по *направо*. В исследованных же южнорусских текстах первой половины XVII в. ударение слов *налѣво*, *налѣвъ* никак не отразилось, а *направо*, *направѣ* явно имеют ударную приставку: *напрѡва* Нов. 905, *напрѡва* Кур. 865 об., *напрѡвя* Нов. 952 об. (видимо, то же ударение было у образования с приставкой *по-*: *попрѡву* Нов. 300, *попрѡва* Нов. 406), то есть можно думать, что *налѣво*, *налѣвъ*, должно быть, сохранило старое ударение, а *направо*, *направѣ* ему уподобилось. До сих пор акцентовка *направо*, *направѣ* отмечалась только в памятниках дальнего северо-востока XVI–XVII вв. [Зализняк 1985: 372].

Итак, рассмотренный материал показывает, что неакцентуированные тексты, отражающие аканье, действительно могут сообщить некоторые сведения об акцентуации отдельных слов или форм в южнорусских диалектах XVII века.

Библиография

- Веселовский 1974 — *Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Даль, I–IV — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М., 1880–1882.
- ДАРЯ I — Дialeктологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.
- ДАРЯ II — Дialeктологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
- ДАРЯ II. Комментарии — Дialeктологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.
- Дыбо, Замятина, Николаев 1990 — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Зализняк 1978 — *Зализняк А. А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XV веков с различием двух фонем «типа о» // Советское славяноведение. 1978. № 3. С. 74–96.
- Зализняк 1978a — *Зализняк А. А.* Противопоставление букв *о* и *ѡ* в древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Советское славяноведение. 1978. № 5.
- Зализняк 1979 — *Зализняк А. А.* Акцентологическая система древнерусской рукописи XIV века «Мерило Праведное» // Славянское и балтийское языкознание. История литературных языков и письменность. М., 1979. С. 47–128.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2002 — *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации односложных существительных мужского рода // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 478–526.
- Зализняк 2002a — *Зализняк А. А.* О некоторых связях между значением и ударением у русских прилагательных // Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 527–544.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. М., 1975–2008.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. Л.; СПб., 1965–2007.
- Стенсланд 1996 — Стенсланд Л. Значение альтернативы <ѣ> — <е> для акцентологического анализа // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 383–399.
- Тарабасова 1982 — Тарабасова Н. И. Некоторые черты московской скорописи XVII в. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М., 1982. С. 170–220.
- Тупиов 1903 — Тупиов Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Южн. отк. — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Отв. ред. С. И. Котков. М., 1977.

Список сокращений

- Белг. — Белгородская отказная книга 1616–1650 гг. (Из текстов 1616–1643 гг.).
- Брян. — Брянская отказная книга 1613–1652 гг. (Из текстов 1613–1651 гг.).
- Вор. — Воронежская отказная книга 1615–1642 гг. (Из текстов 1615–1640 гг.).
- Ел. — Елецкая отказная книга 1638–1645 гг. (Из текстов 1638–1645 гг.).
- Кур. — Курская отказная книга 1630–1654 гг.
- Мц. — Мценская отказная книга 1630–1691 гг. (Из текстов 1630–1641 гг.).
- Нов. — Новосильская отказная книга 1625–1652 гг.
- Орл. — Орловская отказная книга 1625–1651 гг. (Из текстов 1625–1648 гг.).